

«Странная война» на Западе 1939–1940 гг.: военная катастрофа или ход в «Большой игре»?*

Владимир Литвиненко

На Западном фронте без перемен

Период военных действий Великобритании и Франции против Германии с 3 сентября 1939 г. по 10 мая 1940 г. известен в литературе как «Странная война» 1939–1940 гг.

После начала германо-польской войны 1939 г. Великобритания и Франция, связанные с Польшей союзническими обязательствами, 3 сентября объявили войну Германии.

На франко-германской границе против 40 французских полностью укомплектованных дивизий находилось 17 немецких дивизий неполного состава. Всего же на Западном фронте англо-французским войскам (78 дивизий, около 17,5 тыс. орудий и минометов, около 2 тыс. танков, 3 тыс. самолетов) противостояло

33 пехотных дивизии, около 800 боевых самолетов Германии. По орудиям и танкам превосходство союзников было подавляющим¹.

Превосходство на море также было подавляющим.

Тем не менее никаких действий, заслуживающих сколько-нибудь серьезного внимания, на Европейском театре военных действий не происходило. Американцы называли ее призрачной или мнимой войной, а немцы – сидячей.

Нельзя, однако, сказать, что союзники вовсе ничего не предпринимали. 4 сентября, после воздушной разведки, был совершен рейд 29 английских

ЛИТВИНЕНКО Владимир Аркадьевич — кандидат философских наук, научный сотрудник Института военной истории Академии Генерального штаба ВС РФ. *E-mail:* vladlitvine@mail.ru

Ключевые слова: Вторая мировая война, нацистская Германия, фашизм, Польская кампания, Французская кампания, «Большая игра», мировое господство, «дуга нестабильности», внетерриториальное государство.

* Окончание. Начало см. «Обозреватель–Observer», 2011. № 3.

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного фонда. Проект № 11-01-00363а

бомбардировщиков в район Киля, где стояло на якоре несколько немецких кораблей. В результате налета легкий крейсер «Эмден» был поврежден и на несколько дней выбыл из строя. Англичане потеряли семь самолетов².

«...9 сентября 10 французских дивизий начали наступление в районе Саарбрюккена. Противник без боя отошел на основные позиции „линии Зигфрида“. Продвинувшись на 8–18 км вглубь немецкой территории, французские войска остановились по приказу своего командования. В октябре 1939 г. они без боя возвратились на свои позиции»¹.

Кроме того, английская авиация регулярно совершала «рейды правды», как называл эту акцию министр авиации Кингсли Вуд. Суть акции сводилась к тому, что на германские города вместо бомб сыпались миллионами экзemplяров «Письма к немецкому народу». Когда некоторые депутаты британского парламента потребовали более решительных действий (лейборист Хью Дальтон предложил забросать зажигательными бомбами Шварцвальд, дабы немцы ощутили «запах войны» на своей территории), то министр авиации заявил, что «...сожжение Шварцвальда противоречило бы Гаагской конвенции»². Когда же этот призыв был поддержан другим членом парламента (Лео Эмери потребовал быстрых действий до того, как лес намокнет под осенними дождями), Кингсли Вуд ответил: «О, что вы, этого делать нельзя, это частная собственность. Вы от меня еще потребуете затем бомбить Рур»². Ну как здесь не вспомнить беседу барона де Ропша с А. Розенбергом³.

Кое-что предпринимала и Германия.

3 сентября 1939 г. немецкая подводная лодка *U-30* атаковала и торпедировала пассажирский лайнер «Атения», шедший из Англии в Канаду. 17 сентября немецкая подводная лодка

торпедировала английский авианосец «Карейджес» у берегов Ирландии. 27 сентября адмирал Редер приказал «карманным линкорам» «Дойчланд» и «Граф Шпее» покинуть район укрытий и атаковать английские суда. К середине октября на их счету уже было семь английских торговых судов и захваченное в качестве приза американское судно «Сити оф Флинт».

В ночь на 14 октября немецкая подводная лодка *U-47*, преодолев минные заграждения, проникла на базу Скапа-Флоу и потопила английский линкор «Роял Оук»².

В принципе это все. Если не считать вялотекущий «обмен любезностями» на морских коммуникациях и регулярное снабжение жителей немецких городов туалетной бумагой, ничего заслуживающего внимания больше не происходило.

Тем временем с Польшей было покончено. Воцарилось тревожное затишье. Многие увидели в этом некоторые перспективы мира. Но в своем очередном обзоре военного положения в палате общин 3 октября 1939 г. Н. Чемберлен занял твердую позицию по отношению к Германии, окончательно похоронив любые надежды на какое бы то ни было урегулирование. При этом на фронте была тишина, что позволило Германии разобраться с Данией и Норвегией и всецело сосредоточиться на подготовке действий против Франции.

Впрочем, было еще одно незначительное событие, совершенно затерявшееся на фоне других, более внушительных и грозных. Это записка главнокомандующего объединенными сухопутными силами Франции и Великобритании генерала М. Гамелена председателю Совета министров Франции П. Рейно (22 марта 1940 г.).

В записке одного официального лица другому официальному лицу говорится о планах нанесения ударов по русским нефтяным районам на Кавка-

зе. Цель данной акции – лишить Россию сырья, необходимого для ее экономики, и тем самым поколебать мощь Советского государства. Одновременно с этим наносится удар по Германии, так как прекращается ее снабжение русским горючим.

Далее в записке говорится, что лишение Германии русской нефти – задача второстепенная из-за незначительности поставок по сравнению с объемом всей нефти, потребляемой Третьим рейхом. Напротив, действия, направленные на уничтожение русской нефтедобывающей промышленности, представляют большой интерес для союзников, так как позволяют нанести чувствительный, если не решающий, удар по советской экономике и военной мощи⁴.

Сам факт записки главнокомандующего председателю Совмина Франции говорит о том, что речь идет не о гипотезе, а об отработанном плане военных действий. Реализован этот план не был, хотя с политической точки зрения, пожалуй, был безупречен. Да и с военной неплох. Причины, надо полагать, были весьма существенны.

Одна из них лежит буквально на поверхности – окончание Советско-финляндской войны (30 ноября 1939 г. – 12 марта 1940 г.) в пользу СССР, под которую данный план и был составлен. Ну не успели, хотя переброска англо-французских войск к нашим южным границам началась практически сразу с началом военных действий на Карельском перешейке.

Из беседы военного атташе нашего посольства в Германии комкора

М. А. Пуркаева (в дальнейшем видного советского военачальника, генерала армии) с военным атташе Турции майором генерального штаба Ками Акманом (2 февраля 1940 г.) видно, что военные приготовления Великобритании и Франции против СССР вовсе не вымысел.

В беседе был затронут вопрос о передвижении генерала М. Вейгана*, на что майор Акман ответил: «Писали, якобы, Вейган из Анкары направился на Кавказ, но это неправда. Он из Анкары выехал в Сирию, где, как пишут газеты, создается армия для наступления на Советский Кавказ»⁵.

Кстати, то, что сосредоточение англо-французских войск происходило именно у южных границ СССР, а не у северных, говорит о том, что союзники были мало озабочены судьбой Финляндии. Опять же это направление идеально вписывалось в контекст «Большой игры» в ее классическом выражении. Появился шанс проучить много возомнившее о себе советское руководство. Да и Красная армия оказалась не такой уж и грозной, как это многим показалось после Хасана и Халхин-Гола. Наказать Сталина, решив заодно свои проблемы на Кавказе, и не только – отличная мысль.

Справедливости ради следует отметить, что северное направление тоже отработывалось. Великобритания и Франция какое-то время обдумывали вопрос о военном вторжении в Скандинавию, но подходили к нему союзники с разных позиций. Французы хотели открыть второй фронт в Скандинавии и отвести войну по

* Вейган Максим (1867–1965) – французский генерал в отставке, с октября 1939 г. главнокомандующий французскими войсками на Ближнем Востоке. С мая 1940 г. после поражения союзников у Дюнкерка вступил в командование французскими войсками, сменив на этом посту генерала Гамелена.

дальше от своих границ. Англичане были заинтересованы в том, чтобы перекрыть доступ Германии к шведской железной руде. Для этого было достаточно захватить ключевые порты на побережье Норвегии, прежде всего Нарвик, а затем взять под контроль железную дорогу от Нарвика к месту добычи руды⁶. Призыв Лиги Наций ко всем участникам организации оказывать помощь Финляндии был идеальным юридическим прикрытием для нарушения нейтралитета Скандинавских стран.

Однако сами Скандинавские страны энтузиазма по поводу англо-французского плана не выразили. В Финляндии прекрасно понимали, что это является лишь поводом для начала чужой игры, в которой интересы самой Финляндии вряд ли будут учтены. Предлагавшаяся помощь была весьма скромной – не более 20 тыс. солдат

и офицеров, да и то не сразу. Пожертвовать, скорее всего, пришлось бы многим, если не всем.

Швеция и Норвегия прямо заявили, что не разрешат проход союзных войск через свои территории. Шведы, кроме того, добавили, что, если же союзники попытаются добиться прохода своих войск через шведскую территорию силой, им будет оказано сопротивление и тогда «Швеция окажется в войне на стороне русских против Финляндии»⁶.

В этих условиях правительству Финляндии не оставалось ничего другого, как принять предложения СССР. 12 марта 1940 г. конфликт был исчерпан.

Предположим, что англо-французский план, утвержденный Верховным советом союзников 5 февраля 1940 г., удался. Что дала бы его реализация заинтересованным сторонам?

Реконструкция. Согласно утвержденному плану две англо-французские бригады захватили Нарвик, взяли под контроль железную дорогу на Лулео, оккупировали Тронхейм и Берген, затем перебросили дополнительные силы и развернули фронт в Южной Швеции против Германии. Кроме того, 20-тысячный контингент перебросен в Финляндию.

И что? Это никак не повлияло бы на планы руководства Третьего рейха. По-видимому, сами планы кампании были бы скорректированы, изменены направления главных ударов, очередность выполнения поставленных задач, возможно, дата ее начала. Но сама кампания состоялась бы в любом случае. И, скорее всего, с тем же результатом.

С другой стороны, осуществление данного плана не могло серьезно осложнить положение СССР. Война с Финляндией неизбежно затянулась бы на некоторое время, и ее пришлось бы вести до «логического завершения». При этом сама Финляндия была бы гарантированно разгромлена.

Ступор руководства РККА, вызванный первыми неудачами кампании, к этому времени уже прошел. Возможное военное столкновение союзников с частями Красной армии не сулило им ничего хорошего, но серьезно осложнило бы обстановку в регионе. Частный военный конфликт на фоне разгорающейся мировой войны вполне мог стать ее частью.

Однако у СССР не было в Финляндии интересов помимо заявленных. Так что, получив желаемое с согласия Финляндии или без такового, мы бы просто отошли в сторону. Дальнейшая эскалация конфликта в этом случае могла быть инцидирована исключительно усилиями союзников, что маловероятно даже при самой живой фантазии.

Поведение Германии в этом случае предугадать не сложно. В конце веки Гитлеру предоставлялась реальная возможность сыграть роль миротворца. С нами – пакт о ненападении, с Англией и Францией – война, объявленная ими же. Вермахт, естественно, ударил бы по англо-французским войскам и разделил бы с СССР новые территории и сферы интересов. Заодно выступил при этом в роли миротворца. (А. Гитлер не раз подчеркивал, что Германии крайне выгоден нейтралитет Скандинавских стран, и это была почти правда.)

Обвинить СССР в том, что он выступил против англо-французских войск на стороне Германии, было бы крайне проблематично. Во-первых, все знали бы, что это не так. Во-вторых, обвинять, собственно говоря, было некому. Мнение Лиги Наций к тому моменту уже никого не интересовало. Этот наднациональный орган власти тихо умирал. У СССР, как уже было сказано, интересов в Финляндии, кроме тех, что были заявлены ранее, не было.

Так что «головная боль», связанная с умиротворением враждебно настроенного населения, нам не грозила. Побудить шведов к вооруженному сопротивлению против англо-французских захватчиков, коль скоро те сами были к этому готовы, было бы не сложно.

Таким образом, и мы, и Германия в любом случае получали то, что нам было нужно. Великобритания при этом не теряла практически ничего, кроме престижа. А вот положение Франции, и это, пожалуй, самое любопытное в данной ситуации, становилось катастрофическим. В глазах всех нейтральных европейских стран именно она и Великобритания стала бы агрессором. Соединенное королевство на время самоустраняется от европейских дел. А Франции куда деваться? Германия, выступив в роли миротворца (такой шанс они бы не упустили), гарантировал европейским странам нейтралитет, «вероломно» нарушенный Францией, бесплатно получила бы то, за что готова была серьезно заплатить (и заплатила в итоге).

СССР, решив свои проблемы в Финляндии, продолжал бы заниматься своими делами. Маловероятно, что, получив трепку на севере (а они бы ее получили), союзники решились бы на военную акцию на юге (то есть пресловутые бомбардировки нефтяных комплексов Баку и Кавказа). При этом Франция оставалась один на один с Германией при враждебно настроенной Северной Европе и СССР. Великолепная комбинация. Однако не вышло.

Можно еще предположить, что в случае нанесения удара немецкими войсками союзники начали бы наступление на главном направлении, то есть в направлении Саарбрюккена и далее, на Рур. Но в этом случае война в Европе развернулась бы нештучная, а это никак не входило в планы союзников, по крайней мере, Великобритании.

В данной ситуации уместно задать вопрос: а против кого, собственно говоря, был план? Против Франции? Этот ответ буквально напрашивается. Но если так, тогда многое из того, что составляет понятие «Странная война», становится практически очевидным. Не вышло так, значит, нужно действовать иначе. Ведь

полноценный Рейх не мог состояться при «живой» Франции. А Рейх был нужен!

Однако вернемся к реальности. 10 мая 1940 г. «Странная война» завершена. Германия начала наступление на Западном театре военных действий. Но удивительное на этом не закончилось.

Французская кампания 1940 года

Другая война началась 10 мая 1940 г., вошедшая во все энциклопедии и справочные издания как Французская кампания 1940 г. Германский вермахт перешел к активным военным действиям на Западном фронте. Но странности продолжались.

В сводке Пятого управления РККА о событиях на Западе от 20 мая 1940 г., кроме всего прочего, говорится, что «численность французских войск в Сирии доведена до 200 тыс. чел. Продолжают поступать танки, легкие пушки, лошади, автомобили».

«...По агентурным данным, полученным из Парижа и заслуживающим внимания, коллективом экспертов союзников произведены все технические расчеты для налетов авиации союзников на Баку, Грозный и Батум. Кроме того, французским правительством якобы принимаются необходимые меры для подготовки операций против советского Закавказья»⁷.

Это первая странность, которая просто бросается в глаза. Использовать Советско-финляндскую войну для осуществления своих давних планов – это одно. Это понятно. Но в период с 10 по 20 мая 1940 г. французскому правительству и армии было чем заняться и без нашего Закавказья. Да и у англичан дел хватало. Не нужно было быть гениальным политиком и провидцем, чтобы понять: шутки на Западном фронте закончились и 200 тыс. французских солдат, дислоцированных

в Сирии, были бы отнюдь не лишними на Европейском ТВД. С учетом британского контингента, дислоцированного в Египте, это почти полмиллиона. Но они в Европе так и не появились. Разумеется, британские войска все же сражались с Роммелем, но это было потом.

Тем временем ситуация развивалась как на маневрах. В различных энциклопедических изданиях события, происходившие в данный отрезок времени, описаны довольно точно, хотя и скупо. Просто констатация набора вполне очевидных и само собой разумеющихся фактов. Однако ничего из того, что происходило на Западном направлении, ни очевидным, ни само собой разумеющимся назвать нельзя при всем желании.

Неполного состава группировка германских войск из 33 пехотных дивизий ландштурма на западной границе в кратчайшие сроки достигла 136 дивизий (в том числе 10 танковых и 7 моторизованных), свыше 2,5 тыс. танков, более 7,3 тыс. орудий и минометов, свыше 3,8 тыс. самолетов⁸. Причем наращивание группировки происходило практически в условиях непосредственного соприкосновения с противником. А противник (то есть Великобритания и Франция) продолжал наращивать группировки в Египте и Сирии.

Впрочем, имея против Германии 147 дивизий (в том числе 23 танковых, механизированных и моторизован-

ных), что составляло около 3,1 тыс. танков, свыше 14,5 тыс. орудий и минометов, около 3,8 тыс. самолетов⁸, можно было особо не беспокоиться. Краткая хроника событий говорит о том, что никто и не беспокоился.

14 мая капитулировала нидерландская армия. 20 мая немецкие танковые соединения вышли к Ла-Маншу. 28 мая капитулировала бельгийская армия. 4 июня завершилась эвакуация остатков англо-франко-бельгийских войск, окруженных у Дюнкерка, на Британские острова. При этом все тяжелое вооружение было оставлено на побережье. Операция «Гельб» завершена.

5 июня, после перегруппировки (то есть с 20 мая германские войска спокойно наблюдали за эвакуацией противника и занимались своими делами), начинается операция «Рот» (124 пехотные дивизии, 10 танковых и 6 моторизованных дивизий против 71 ослабленной французской и 2 английских дивизий)⁸.

10 июня французское правительство бежало из Парижа. 14 июня Париж сдается без боя. 17 июня новый глава французского правительства маршал А. Петен обратился к немецкому командованию с просьбой о перемирии. 22 июня 1940 г. было подписано второе Компьенское перемирие. Тот самый лес, тот самый вагончик маршала Фоша... Как говорится, *по comment*. Тем не менее комментарии необходимы.

Комментарий первый. Согласно энциклопедическим данным, «в ходе кампании французская армия потеряла 84 тыс. чел. убитыми и свыше 1,5 млн чел. пленными.

Потери немецких войск: 27 тыс. чел. убитыми, свыше 111 тыс. чел. ранеными и более 18 тыс. чел. пропавшими без вести»⁸.

Несмотря на любые, самые гуманные конвенции, существуют фазы боя,

в принципе не предполагающие взятие противника в плен. И не потому, что одна из сторон вооруженного столкновения столь жестока и негуманна. Просто это невозможно в силу самой природы боя как такового.

Те из солдат, кому «посчастливится» столкнуться с противником в начальной фазе боя (огневое соприкосновение) или в средней фазе (атака, непосредственное соприкосновение) при отсутствии известной доли везения, будут либо гарантированно убиты, либо не доживут до момента оказания медицинской помощи, что, по сути, одно и то же. На плен могут рассчитывать только те, кто все-таки доживет до заветной помощи либо вступит в соприкосновение с противником в момент завершения им выполнения ближайшей задачи, то есть прорыва обороны на тактическую глубину. Это в любой армии мира около 12 км.

Попасть (или сдаться) в плен можно на 10–12-м км атаки, не ранее. Раньше наступающей стороне просто не до пленных. Если оборона эшелонирована на оперативную глубину, это расстояние увеличивается примерно до 50 км. Накал борьбы возрастает. Соответственно растут и потери с обеих сторон. Причем потери наступающей стороны, по статистике, втрое превышают потери стороны обороняющейся. В среднем, разумеется. Бывает и больше. Бывает и меньше. Но в целом цифры всегда сопоставимы масштабу военных действий. Масштаб кампании на Западном фронте был грандиозным.

О чем говорит статистика? По её данным, есть все основания предположить, что англо-французские войска вообще не оказывали сопротивления германскому вермахту. Никакого. То есть погибли лишь те, кому «не повезло», плюс те немногие, кто действительно пытался сделать хоть что-нибудь.

Впрочем, обвинять одну лишь Францию было бы не совсем корректно. Точно такая же статистика наблюдается практически везде в Западной Европе. Разнятся только абсолютные цифры, но не тенденция.

Комментарий второй. Нельзя не обратить внимания на удивительно мягкие условия мира, предложенные А. Гитлером поверженной Франции. Ни полного разоружения, ни капитуляции флота, с сохранением атрибутов государственности (правительство, полиция, местное самоуправление и т. д.), полная самостоятельность в колониях и многое другое, что никак не укладывается в привычный, описанный в многочисленных исследованиях образ Третьего рейха.

«Фюрер хотел разоружить Францию насколько возможно, но был против любых условий, особенно капитуляции военно-морского флота, которые не могли быть реализованы в тот момент; он хотел получить от Франции все, что было возможно, но не унижать ее...»⁹.

Прямо-таки трогательная забота о чувстве собственного достоинства побежденного противника.

Сегодня «период оккупации во Франции предпочитают вспоминать, как героическое время – Шарль де Голль, Соппротивление... Однако беспристрастные кадры фотохроники свидетельствуют, что все было не совсем так, как рассказывают ветераны и пишут в учебниках истории»¹⁰.

Не так давно в Парижской исторической библиотеке проходила выставка французского фотографа Андре Зукка «Париж под оккупацией» (или «Французы под оккупацией»).

На выставке было показано более 250 цветных фотографий, сделанных между 1941 и 1944 гг. Фотографии показывают, как парижане наслаждались жизнью на берегах Сены, в кафе и городских парках, на залитых солнцем Елисейских Полях.

Парижские модницы щеголяют в новых шляпках, обнимаются влюбленные, дети катаются на роликовых коньках, люди ездят на велосипедах, кормят слона в городском зоопарке... Нацистские офицеры гуляют вместе с горожанами. Только на двух снимках можно увидеть евреев с обязательными желтыми звездами Давида.

Картина просто идиллическая, общее впечатление мирной и совсем не такой уж несчастной жизни, которую вовсе не омрачают красные флаги с черной свастикой.

Выставка вызвала грандиозный скандал: слишком разительным оказался контраст между героической легендой и правдой. Мэрия французской столицы запретила ее показ в Париже. Кристоф Жерар, член городского совета и глава департамента культуры, сказал журналистам, что выставка «непереносима»¹¹.

Впрочем, случались и эксцессы. Правда, это относится уже к концу войны: 10 июня 1944 г., через четверо суток после высадки союзных войск в Нормандии, подразделение дивизии СС «Рейх», незадолго до этого переброшенной с Восточного фронта, уничтожило французский поселок Орадурсюр-Глан вместе со всеми жителями. Западные историки до сих пор спорят о причинах этой жуткой расправы.

Однако общая тенденция, и это касалось большинства стран Старого Света, оставалась неизменной: оккупационный режим в них был достаточно мягким, а то и вообще условным. Практически во всех оккупированных странах Европы нацисты сохранили существовавшую там национальную полицию.

Так было и в Норвегии, где подавляющее большинство полицейских добровольно присоединилось к Видкуну Квислингу, главе местных коллаборационистов. А министр полиции Ионас Ли одновременно был шефом германских СС в Норвегии (с 21 июля 1942 г. – *Germanische SS Norge*)¹².

«В Дании вплоть до 1944 г. власть вообще сохранялась за социал-демо-

кратическим правительством. Суверенитет страны фактически не затрагивался: помимо национальных вооруженных сил, парламента, демократической системы выборов сохранились и местные полицейские органы. Полицейскими силами страны руководили министры внутренних дел Кнуд Кристенсен и Йорген Йоргенсон.

Лишь в сентябре 1944 г. немцы распустили датскую полицию, поскольку ее сотрудники не принимали активного участия в подавлении антинемецких забастовок. Ее место занял Вспомогательный полицейский корпус (*Hjpo korpset*), сформированный из местных нацистов и ветеранов Восточного фронта.

Даже в Протекторате Богемия и Моравия (оккупированная часть бывшей Чехословакии), который, строго говоря, считался неотъемлемой составляющей „Великогерманской империи“, вплоть до конца войны была сохранена прежняя полицейская структура»¹².

Справедливости ради стоит отметить, что один из руководителей чешской полиции, министр внутренних дел генерал Алоис Элиаш, связанный с движением Сопротивления, был арестован гестапо и казнен¹².

Но в целом западная либеральная демократия удивительно толерантная система. Она спокойно уживалась с фашизмом, не претерпевая практически никаких изменений и не ощущая серьезных неудобств. И не доставляя их оккупантам. Так, «в 1944 году начальник планового управления имперского министерства вооружений докладывал, что, несмотря на занятость в военной промышленности 30 миллионов немецких и 7 миллионов иностранных рабочих, выпуск текущей продукции ни в один из периодов не испытывал каких-либо серьезных нарушений из-за саботажа или пассивного сопротивления.

Об активном сопротивлении речь не шла вообще.

Когда на Нюрнбергском процессе министра вооружений Третьего рейха графа А. Шпеера спросили, большой ли вред его ведомству приносили саботажники (другими словами, участники Сопротивления), он не задумываясь ответил: „Так, особо не досаждали...“¹³.

Западные исследователи, В. Варлимонт в частности, чья цитата приводится выше, так и не поняли, что необременительный мир после незначительного сопротивления был самым большим унижением, которому только могла подвергнуться Европа.

Не знаю, понимают ли это сами европейцы? Но это их проблема. Нас же интересует несколько иное. А именно, в чем причины столь явного отсутствия серьезного сопротивления со стороны союзников? Ведь сами немцы не ожидали столь ошеломительного успеха. И не планировали столь быстрого осуществления своих чаяний. Недаром военную кампанию на Западе 1940 г. многие называют «Блицкриг без блицкрига».

В рамках рассматриваемой проблемы ответ на этот вопрос представляется принципиальным.

Как известно, отвечать вопросом на вопрос не совсем вежливо. Тем не менее зададимся вопросом: что осталось бы от Европы в случае того сопротивления, которое действительно могла оказать союзная армия германскому вермахту? Ответ: НИЧЕГО! Ни заводов, ни продукции, так необходимой для набирающей обороты военной машины Третьего рейха, ни сотрудничества, без которого невозможно было заставить весь европейский промышленный комплекс работать как единое целое в интересах Германии. Ничего.

Какой тогда смысл воевать?

В том-то и дело, что кампания на Западе имела смысл только в том случае, если весь промышленный потенциал Европы попадал в руки А. Гитлера в целостности и сохранности. А это невозможно при нормальном ведении военных действий, когда каждый дом – крепость. Впрочем, это для нас подобное ведение военных действий нормальное. На Западе все несколько иначе. «Как можно бомбить частную собственность?»

С другой стороны, в условиях демократии, всяких там парламентских дискуссий, социальных гарантий, профсоюзов и прочих «благотупостей» привести весь разрозненный конгломерат государств к некому единому знаменателю и заставить работать в едином ритме практически невозможно. Здесь нужны иные подходы. Режимы мобилизационного типа с подобными задачами справляются гораздо лучше. Ну, не отказываться же, в самом деле, от демократии. То ли дело оккупация.

Таким образом, война на Западе представляется ничем иным, как способом создания гигантской финансово-промышленной корпорации, в которой господствует «новое мышление».

Естественно, Германия в этой корпорации владела (на некоторое время) контрольным пакетом. Стоит заметить, что когда время «председательства» Германии в общеевропейской финансово-промышленной корпорации подошло к концу, то есть после высадки союзников в Нормандии, имущество было передано новому «совету директоров» также в целостности и сохранности, без особых эксцессов.

Для сравнения приведем фрагмент боевого донесения штаба 53-й армии командованию Степного фронта на 8.00 25 сентября 1943 г.: «Противник отходит в юго-западном направлении. Его части прикрытия пытаются оказывать сопротивление действиям наших войск.

Отходя, противник сжигает населенные пункты, урожай на полях, уводит скот и население...»¹⁴.

Как видим, ничего похожего.

С другой стороны, необременительная военная кампания – наилучший способ привести в порядок вооруженные силы, довести их численность до нужного уровня, дать почувствовать солдатам вкус настоящей победы, понюхать порох, потренировать штабы всех уровней в планировании и проведении крупных наступательных операций, организации взаимодействия, а также многое другое, что крайне проблематично в мирное время. Кроме того, западные страны получили возможность совершенно законно, с точки зрения «хорошего тона» (проиграли же!), передать в распоряжение победителя весь свой потенциал, включая технику и вооружение. Чешские танки, например, до Сталинграда доехали. К слову сказать, до Берлина было ближе.

Только один фактор не был учтен руководством Третьего рейха – что на все это потребуется всего два месяца. Это было катастрофически мало для настоящей подготовки к настоящей войне. Кроме техники и вооружений, кроме многочисленной и обученной армии для ведения войны необходимы стратегические запасы продовольствия, которых у Германии не было. Их нужно было создать, в том числе и за счет завоеванных европейских стран. Но вот именно этого ресурса у Европы было недостаточно. Разумеется, ее можно было просто ограбить, воспользовавшись правом победителя. Но это одноразовая акция. И после нее – прощай сотрудничество. И движение Сопротивления по полной программе, а не то, что таким называлось в действительности.

Германии необходима была передышка как минимум в два года. Но ни-

кто и не собирался давать А. Гитлеру возможность подготовиться по-настоящему.

Во-первых, это никак не входило в планы тех, кто всю эту игру затеял.

Во-вторых, СССР тоже не стоял на месте. Перевооружение Красной армии должно было завершиться к 1942 г. К этому же сроку должны были быть завершены работы по строительству и оборудованию новой линии укрепрайонов. А это означало, что любые планы по расширению жизненного пространства на Восток теряют смысл ввиду их невыполнимости. Все, чем располагал А. Гитлер в плане времени, – не более одного года. Максимум ресурсов при минимуме времени на их освоение плюс дефицит продовольствия. При доведении численности вермахта до 7 млн чел. (на 22 июня 1941 г. – 7 234 000 чел., если быть точным) – катастрофический дефицит*.

Разумеется, это была далеко не единственная причина нападения на СССР. Но весьма существенная. Отсутствие альтернативы – лучшая гарантия того, что все сработает как надо.

Довольно любопытная позиция с точки зрения Игры. Стратегическая жертва, принесенная Западом на алтарь своей будущей победы, позволила Германии из «Фигуры» превратиться в почти настоящего «Игрока». Однако коридор возможностей, несмотря на огромные материальные ресурсы, в силу названных причин был крайне узок.

Таким образом, первый ход нового игрока был безальтернативным. Хочешь выжить – ломай все игровое пространство и создавай новое. Именно поэтому «почти». У настоящего игрока всегда есть выбор. У Германии после победоносной кампании на Западе альтернатив, кроме нападения на СССР, не было вообще.

Советский Союз был не в лучшем положении. Огромные потенциальные возможности еще только предстояло реализовать на практике, но молниеносная кампания Германии в Европе ясно показала: не успеваем. В результате и нам, и Германии пришлось осваивать имеющийся ресурс уже в ходе вооруженной борьбы, понеся при этом неисчислимы потери. Сам факт начала вооруженной борьбы на Восточном фронте именно с этих позиций предполагал затяжной и крайне напряженный характер конфликта. Результатом данной комбинации должно было быть полное уничтожение одного участника конфликта и катастрофическое ослабление другого. В идеале первыми должны были быть немцы, а вторыми – мы.

Лучше всего данную позицию сформулировал Г. Трумэн, в то время сенатор от Демократической партии. Он сказал: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывает будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя мне не хочется ни при каких обстоятельствах

* На самом деле голод Германии не грозил. В Рейхе были созданы внушительные запасы продовольствия: на 1 сентября 1939 г. 8,8 млн т. Однако этот запас стремительно таял. В 1940 г. он составлял уже 7,7 млн т.; в 1941 г. – 3,8 млн т. Снижение потребления после победоносной войны могло породить серьезные внутренние проблемы. Таким образом, война и именно с Россией, где можно было серьезно пополнить запасы продовольствия, была единственной альтернативой возможным внутренним проблемам.

видеть Гитлера в победителях. Никто из них не думает выполнять свои обещания»*.

Впрочем, иной вариант был также вполне приемлем, с некоторыми оговорками, разумеется.

Так заканчиваются «странные войны»

С началом военных действий на Восточном фронте Великобритания и США выступили в поддержку СССР. Знаменитая речь У. Черчилля, переданная Би-би-си 22 июня 1941 г. в 23.00, говорит сама за себя. Заявление о поддержке СССР Соединенными Штатами было сделано исполнявшим обязанности госсекретаря С. Уэллесом, который подтвердил: «Гитлеровские армии сегодня – главная опасность для Американского континента».

24 июня президент Ф. Д. Рузвельт заявил на пресс-конференции, что США окажут всяческую помощь СССР в его борьбе против Германии. На следующий день это было напечатано в центральных газетах в СССР¹⁵. С этого момента Америка оказалась самым непосредственным образом вовлечена в европейские дела и центр силы постепенно переместился из Лондона за океан. Причем проделано это было практически незаметно, с истинно британским изяществом.

Возвращаясь к высказыванию британского историка Д. Ливена стоит заметить, что серьезная попытка вовлечь США в европейские дела, была предпринята еще раньше.

Так, 15 апреля 1939 г. президент США Ф. Рузвельт обратился по телефону к Гитлеру и Муссолини, призывая дать обещания воздержаться в течение 10 лет от нападения на перечисленные в его обращении 31 государст-

во. Рузвельт предлагал начать политические переговоры, которые должны были завершиться установлением необходимых гарантий мира. Президент выражал готовность выступить посредником созыва конференции держав, заинтересованных в мирном сотрудничестве¹⁶.

Инициатива была немедленно поддержана правительством СССР, а чуть позднее Великобританией и Францией. Но тогда не получилось.

Оригинальный дипломатический маневр, предпринятый Германией, свел на нет все попытки созвать мирную конференцию. Германия, используя своих официальных представителей в малых странах Восточной и Центральной Европы, а также в странах Прибалтийского региона, провела своеобразный «социологический опрос» на тему: «Считают ли эти страны, что Германия угрожает их безопасности?». Ответ был, разумеется, вполне прогнозируем. Довершая разгром американской инициативы, Гитлер торжественно пообещал не нападать на Соединенные Штаты. Американская дипломатия, образно выражаясь, села в лужу.

Однако сам факт провала мирного посредничества послужил хорошим поводом для начала демонтажа политики изоляционизма. Рузвельт предложил конгрессу в спешном порядке пересмотреть закон о нейтралитете. В беседе с представителями печати он за-

* Оригинальный текст (англ.): "If we see that Germany is winning we ought to help Russia and if Russia is winning we ought to help Germany, and that way let them kill as many as possible, although I don't want to see Hitler victorious under any circumstances. Neither of them thinks anything of their pledged word" // New York Times. 24.06.1941.

явил, что этот закон на деле оказывается на руку агрессорам и лишает их жертвы справедливой помощи¹⁶. В скором времени необходимые коррективы в законодательство были внесены. Правда, для этого потребовались более весомые аргументы, чем просто провал американской дипломатии. Пришлось пожертвовать частью Шестого флота ВМС США. Но игра того стоила.

В связи с описанной выше инициативой американского президента вырисовываются два любопытных момента:

Первый: в числе государств, перечисленных в послании, был и Советский Союз. С одной стороны, казалось бы, все правильно. США, как и подобает подлинно демократической державе, заботятся обо всех государствах, которые могут подвергнуться агрессии, независимо от их политической и идеологической ориентации, а с другой – у нас тогда не было общей границы с Германией. И не только у нас.

Так в чем же дело? Что это, неуклюжая попытка американской дипломатии вмешаться в европейские дела или блестяще проведенная комбинация, рассчитанная на вполне определенный результат? Если отвлечься от эмоций, то в послании, по сути, четко обозначен будущий театр военных действий.

Вспомним, что после Первой мировой войны Европа должна была Америке свыше 10 млрд долл. По тем временам сумма невообразимая. Новое предприятие сулило еще более фантастические прибыли. Разумеется, необходимы были срочные меры по подключению к процессу. И ведь все получилось!

Второй момент касается истинного отношения заинтересованных сторон, в частности Великобритании, к данной инициативе. Это отношение было высказано вскользь на встрече высокопоставленных британских политиков сэра Гораса Вильсона, сэра Джозефа Болла и г-на Хадсона* с представителем Рейха, сотрудником ведомства по осуществлению четырехлетнего плана Германии К. Вольгатом, состоявшейся практически одновременно с подписанием договора о ненападении между СССР и Германией. Следует заметить, что встреча была организована по инициативе британской стороны¹⁷.

В своем отчете о встрече К. Вольгат отмечает, что «...англичане, видимо, хотят создать новую платформу для рассмотрения вопросов, возникающих между Германией и Польшей. После установления взаимопонимания на широкой основе между Германией и Англией для последней вопрос о Данциге играл бы уже второстепенную роль»¹⁸.

Правда, все договоренности предполагались в контексте неприменения военной силы как инструмента разрешения политических споров, о чем говорят 1-й и 2-й пункты предложений сэра Гораса¹⁸.

При обсуждении этих пунктов и прозвучала фраза г-на Хадсона о том, что он предпочел бы обсуждать все это в тихой и спокойной обстановке, а не на какой-нибудь мирной конференции. Ни о каких других конференциях, кроме предложенной США в апреле 1939 г., речи тогда не шло. Следовательно, говорили именно об этом. Отсюда можно сделать вывод – реальный

* Вильсон Горас – главный советник правительства по вопросам промышленности Великобритании; Джозеф Болл – деятель консервативной партии Великобритании; Р. Хадсон – министр внешней (заморской) торговли Великобритании.

результат американской инициативы заключался вовсе не в созыве какой-либо конференции. Обсуждать никто и ничего не собирался. Это был лишь повод для реализации более серьезно-го и далеко идущего плана.

По-видимому, и прорыв изоляционистского барьера, отделявшего США от остального мира, не мог быть главной целью. В случае развития ситуации по мирному руслу этот прорыв терял всякий смысл. Более того, был чреват убытками. Только война, и притом большая война, могла принести реальные и к тому же быстрые результаты, так необходимые американской экономике для преодоления последствий Великой депрессии.

Автор труда «Хорошая война: Устная история Второй мировой войны» С. Теркел приводит мнение одного из своих соотечественников: «Почти весь мир во время этой войны испытал страшные потрясения, ужасы и был почти уничтожен. Мы же вышли из войны, имея в наличии невероятную технику, орудия труда, рабочую силу и деньги. Для большинства американцев война оказалась забавой... Я не говорю о тех несчастных, которые потеряли своих сыновей и дочерей. Однако для всех остальных это было чертовски хорошее время»¹⁹.

Впрочем, «странности» на Западном ТВД продолжались на всем протяжении войны, вплоть до ее окончания. Вот лишь один пример.

Командир 2-го батальона 49-го танкового полка СС «Де Рюйтер» (из состава дивизии СС «Нидерланд») штурмбанфюрер Петерсен вспоминал о том, как их часть рвалась на Запад, в американскую зону, чтобы избежать русского плена.

3 мая 1945 г. в районе городка Пархим полк получил приказ создать рубеж обороны, «чтобы остановить движение русских, пока все немецкие части не пересекут демаркационную линию».

Вскоре появилась колонна из 12 русских танков и оказалась в ловушке в низине у мель

ницы, перед разрушенным мостом, попав под огонь штурмовых орудий, расстреливавших их в упор.

«Тем временем со стороны Пархима вдруг появились две бронемашины с белыми звездами на бортах. Они были высланы вперед с огневой позиции полевых орудий в качестве наблюдателей. Солдаты в окопах зашептались: „ами“ здесь, они помогут нам в бою против русских.

Обе бронемашины остановились на дороге. Открылись люки. Из них на шоссе выпрыгнули два офицера американской 7-й танковой дивизии и направили свои бинокли в сторону разворачивавшегося неподалеку сражения. Это продолжалось какие-то секунды, хотя нам они казались вечностью. Затем оба американца опустили бинокли и подняли руки в военном приветствии. Оно было адресовано нам, и многие из нас ответили на него... Обе оливково-зеленых бронемашин с большими белыми звездами на боку, взревев моторами, повернули назад, к Пархиму. Начальник разведки американской 7-й танковой дивизии мог доложить, как далеко еще русские находятся от демаркационной линии»²⁰.

Особенно показательны здесь надежды немцев (на уровне обыденного сознания, как нечто само собой разумеющееся!) на помощь со стороны одного из членов антигитлеровской коалиции против другого члена коалиции... Весьма показательно и поведение американцев, и тоже на уровне «обыденного» сознания: они были уверены, что немцы не развернут хотя бы одно орудие против них.

Однако вернемся к переговорам К. Вольтата с представителями британской элиты в 1939 г.

Был здесь еще один любопытный момент, может быть, и не относящийся прямо к исследуемой теме. Это замечание сэра Гораса о том, что «...не следует допускать, чтобы о переговорах узнали те лица, которые в принципе враждебно относятся к установлению взаимопонимания. Францию и Италию мы поставим в известность позднее, если в этом возникнет необходимость»¹⁷.

Это к вопросу о союзниках, стратегических партнерах, как сказали бы сегодня, к которым высокие договаривающи-

еся стороны относятся как к досадному обременению. Гитлер избавил Великобританию от этого обременения довольно скоро. Англо-американские войска оказали ему ответную любезность несколько позднее, выведя из игры Италию.

В связи с этим возникает вопрос. Насколько искренними были заявления лидеров Англии и США, сделанные ими после нападения Германии на нашу страну, учитывая те усилия, которые были предприняты ими же ранее для создания данной ситуации? Уже если к своим так относятся, то нам чего ждать? Ответ на удивление прост: они были абсолютно искренними.

Во-первых, никто не собирался покатать А. Гитлера в его стремлении к мировому господству. И без него претендентов хватало. В его задачу входило превращение Европы в огромную промышленно-финансовую корпорацию, работающую как единый организм, и максимальное ослабление СССР в ходе военного конфликта. После этого он должен был сойти со сцены. Ему позволили поиграть, но выигрыш предусмотрен не был ни при каких обстоятельствах. В этом плане фашистская Германия была «одноразовым инструментом».

С Советским Союзом также было все ясно. После «сокрушительной» победы СССР будет вынужден согласиться на условия союзников в обмен на экономическую помощь Запада (включая США, разумеется). Без этой помощи восстановить разрушенное войной хозяйство будет попросту невозможно. Что и требовалось доказать.

В свое время Н. Ротшильд сказал: «Дайте мне контроль над финансами страны, и мне будет все равно, кто сидит в правительстве».

Деловые и политические круги США и Англии не сомневались, что контроль над финансами СССР будет получен

так или иначе ввиду абсолютной безвыходности ситуации. Остальное, как говорится, дело техники.

Во-вторых, превратить А. Гитлера в настоящего игрока (ну, почти настоящего), завершив тем самым инициацию (а в другом качестве он был просто не нужен), можно было лишь одним способом: полностью развязать ему руки, оставив один на один с реальностью, то есть выступить против него на стороне СССР. Хотел сыграть – попробуй! При этом реальность оказывалась вовсе не такой, как представлялось фюреру Третьего рейха.

21 июня, прогуливаясь по крокетной площадке в саду Чекерса, У. Черчилль делился своими мыслями со своим личным секретарем Колвиллом: «Надежды Гитлера, заручиться содействием правых в Англии и США, упования на их помощь в войне с СССР ошибочны. Наоборот, Англия окажет всемерную помощь СССР»²¹.

Кроме того, быстрый разгром Советского Союза, если бы таковой имел место, означал бы полное крушение планов по созданию нового игрового пространства. Ведь тогда пришлось бы браться за дело самим, что никак не входило в планы западной элиты. Само игровое пространство при этом было бы разорено до основания. Все предприятие теряло всякий смысл. К тому же еще и победить нужно.

Таким образом, союзники искренне сопереживали нашим неудачам и так же искренне радовались нашим победам. Их помощь, как финансовая, так и материальная, хоть и не имела решающего значения, была крайне важна для нас. И мы помним об этой помощи. Правда, Россия до сих пор выплачивает долг по ленд-лизу. И будет расплачиваться до 2030 г.

Одного только не учли наши союзники и партнеры по антигитлеровской коалиции: мы сможем не только побе-

доть, понеся при этом неисчислимые потери, но и самостоятельно восстановить все, что было разрушено войной, серьезно затруднив окончательную реализацию проекта по реформатированию существующего мироустройства на основе «господства высшего разума». Именно благодаря усилиям СССР мир еще долго развивался, повинувшись «игре свободных сил».

Он и сейчас так развивается, по крайней мере, там, где действительно стремятся к развитию. Однако все события, произошедшие в мире после развала СССР, наглядно показывают, что есть и другие процессы. Проект, некогда предъявленный миру нацистами, никуда не делся. Да, претерпел известные коррективы с учетом существующих реалий. Но не более того.

Вот цитата из официального документа *Die europäische Friedensidee 1944/1945*: «Германия ведет эту войну ради создания Европейской конфедерации как ассоциативного и социалистического сообщества народов Европы».

В соответствии с этим планом предполагался «отказ от всякой претензии на немецкое господство вне естественных этнических границ расселения немецкого народа... Создание Соединенных Государств Европы на основе равенства прав всех вошедших в них народов».

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1. Вторая мировая война была частью «Игры» в ее современном толковании. Ведь борьба за мировое господство началась не сегодня и не вчера. И называлось это очень похоже.

В этом плане неизбежность нового глобального конфликта была фактически запрограммирована самой Версальской системой.

Игровое пространство, возникшее в результате Первой мировой войны, и те правила, которые при этом установились, не в полной мере отвечали интересам основных игроков. Для реализации этих интересов его необходимо было существенным образом реформатировать, то есть, пользуясь современной терминологией, осуществить перезагрузку.

В тех условиях данная проблема «парламентскими» способами не решалась. Пришлось создавать инструмент решения проблемы – нацистскую Германию, затем подвести ее к игровому пространству и дать сыграть, не очень внятно объяснив правила.

Подчинение всех национальных точек зрения этой великой общей цели»²³.

Данный документ родился в недрах Верховного командования СС и подписан лично Гиммлером.

По сути (не по форме, разумеется), это практически ничем не отличается от современной политической платформы Социнтерна. Особенно если иметь в виду основные направления деятельности Совета Европы, а также консультативного комитета регионов ЕС по децентрализации государства и их реформатированию в «Европу регионов и племен»²⁴.

Доктор политических наук В. Б. Павленко, ссылаясь на работы Д. Эстулина, проводит интересную параллель с планом «Марбург», разработанным в США в начале XX в. Планом предусматривалась трансформация капитализма в социализм через монополию и создание на этой основе «синархистского» («глобального нацистского») движения, объединяющего социалистов и банкиров²⁴.

Так именно это и делается! Спокойно и целенаправленно.

Следовательно, «Большая игра» продолжается? Разумеется. Ведь она, если верить Киплингу, закончится только тогда, когда все умрут. А мы еще живы!

В какой-то момент немцы и правда поверили, что *Deutschland, Deutschland, über alles*. Но это было не так. Их интересы вообще никого не волновали. Равно как и чьи бы то ни было, включая ближайших союзников. Ставки, нужно полагать, были настолько высоки, что ради достижения цели пожертвовать можно было всем. Всем и жертвовали.

2. «Странная война», да и вся кампания на Западе, была не чем иным, как ходом в этой «Игре». Гениальным ходом, нужно заметить. Подставиться под удар, сыграть роль жертвы, отдав при этом весь европейский промышленный потенциал в руки агрессора, и победить, вынудив последнего на самоубийственный ход, – это поистине гениально.

Ведь, несмотря на весь драматизм начального периода Великой Отечественной войны, у Гитлера не было и тени шанса на победу. Правда, для нас это была вовсе не игра. И для тех англичан, что тонули в конвоях, сторали в кабинах своих «Спитфайров» и погибали под бомбами в Лондоне и Ковентри, это тоже не являлось игрой.

Для нас и для них все было по-настоящему. Более чем. И об этом следует помнить. Как помнить и о том, что для сильных мира сего это не имело ни малейшего значения. Ни тогда, ни теперь.

А значит, коль скоро этот параметр не изменился, все может повториться. Ведь забыли же на Западе, кто все это остановил. И какой ценой.

3. Страны Западной Европы, в подавляющем большинстве, вполне сносно уживались с нацистским режимом при условии сохранения демократических институтов.

Как уже было сказано, практически везде на Западе, включая и оккупированную часть Чехословакии, была сохранена национальная полиция в том виде и составе, в котором она существовала до оккупации. А кое-где и национальная армия, парламент, свободные выборы. И все это добросовестно работало на нужды Рейха.

Скорее всего в сознании среднестатистического европейца форма гораздо важнее содержания.

Это очень похоже на современный тезис о самоценности демократии. А если так, то не все ли равно, кто именно ее гарантирует?

4. Говоря о «Странной войне», нужно иметь в виду не только промежуток времени с 3 сентября 1939 г. по 10 мая 1940 г. Вся война на Западном ТВД изобиловала странностями. Правда, странным это кажется только с точки зрения здравого смысла. С точки зрения «Игры», наоборот, все очень логично.

Разумеется, жизнь не сводится только к Игре, пусть даже и большой. Она гораздо сложнее и многограннее. Эта безусловная сложность не позволяет всегда с однозначной точностью спрогнозировать те или иные последствия очередного хода, сделанного тем или иным игроком.

Тем опаснее попытки свести нашу жизнь исключительно к Игре, а пространство, населенное народами, имеющими свою самобытную историю, культуру и свой взгляд на жизнь, – только к шахматной доске. Ведь игра есть игра. Она непредсказуема по своей природе, а значит может привести к большому проигрышу. Всех.

5. Между тем «Большая игра» продолжается. Просто теперь нет необходимости прятаться за литературными терминами. Сейчас это называется просто – борьба за мировое господство или, с легкой руки Буша-младшего, «Новый мировой порядок». В своем классическом контексте, то есть в рамках евразийского пространства, и особенно его южной и юго-восточной части, это (по Бжезинскому) стратегическое управление геополитическими интересами.

Подобная постановка вопроса вовсе не снимает с повестки дня опасность возникновения нового глобального конфликта. Скорее наоборот. Достаточно ознакомиться с названием новой Стратегической концепции НАТО-2020 «Обеспеченная безопасность; динамическое вмешательство»²⁵. Да и в тексте есть весьма любопытные моменты.

Например: «...Затяжные неурядицы существуют на Кавказе и Балканах. Они требуют постоянного международного внимания»²⁵.

Наряду с декларацией того, что Россия не рассматривается сегодня как угроза, тем не менее делается акцент на том, что, поскольку «...будущую политику России в отношении НАТО трудно предсказать, союзники должны идти по пути сотрудничества, в то же время сохраняя бдительность в отношении возможного решения России двигаться в более враждебном направлении»²⁵.

Звучит весьма многообещающе. Далее авторы доклада прогнозируют развитие событий и роли НАТО в районе Центральной Азии, на Среднем Востоке и в Тихоокеанском регионе.

«Враждебное направление», нужно понимать, это наличие у России своих стратегических интересов в означенных районах. Есть и ряд других, заслуживающих внимания моментов.

Например, расширение НАТО за счет Грузии и Украины не снимается с повестки дня в новой концепции, что, конечно же, «укрепит» наши отношения с этой организацией.

По всей видимости, Альянс вполне созрел для того, чтобы из инструмента «Игры» превратиться в ее субъекта.

Все атрибуты – флаг, гимн, герб, военно-политическая составляющая и многое другое – налицо. А территории нет. Внетерриториальное государство с глобальными амбициями.

Очень современно. А почему бы и нет? Играть так играть.

Примечания

- 1 Военная энциклопедия. В 8-ми томах. Т. 7. М., 2003. С. 669.
- 2 *Mason D. The Phoney War // History of the Second World War. London, 1966. Vol. 1. № 4 3/6. P. 85–89 // Цит. по: От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны. М., 1992. С. 81, 83, 84.*
- 3 *Литвиненко В. «Странная война на Западе 1939–1940 год: военная катастрофа или ход в „Большой игре“?» // Обозреватель-Observer. 2011. № 2.*
- 4 Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 1995. Т. 1. Кн. 1. С. 374–375.
- 5 Из письма военного атташе СССР в Германии в отдел внешних сношений Наркомата обороны СССР о встрече с военным атташе Турции майором генштаба Ками Акманом. РГВА. Ф. 33987, оп. 3, д. 1305, л. 69 с. // Цит. по: Военная разведка информирует. Январь 1939 – июнь 1941. Документы. М., 2008. С. 263–264.
- 6 *Upton A.F. The Phoney War // History of the Second World War. London, 1966. Vol. 1. № 5 3/6. P. 123–140 // Цит. по: От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны. М., 1992. С. 119, 120.*
- 7 Сводка Пятого управления РККА по событиям на Западе. РГВА. Ф. 33988, оп. 4, д. 35, л. 335с. // Цит. по: Военная разведка информирует. Январь 1939 – июнь 1941. Документы. М., 2008. С. 313–314.

- 8 Военная энциклопедия. В 8-ми томах. Т. 8. М., 2004. С. 290, 291.
- 9 *Wartimont W. Inside Hitler's Headquarters* // *History of the Second World War*. London; 1966. Vol. 1. № 10 3/6. P. 247–277 // Цит. по: От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны. М., 1992. С. 136.
- 10 Кадры, которые стали национальным позором Франции // <http://svpressa.ru/war/photo/6743>
- 11 Борьба с фашизмом по-французски... <http://szhaman.livejournal.com/219207.html>
- 12 *Жуков Д., Ковтун И.* Русская полиция // <http://lib.rus.ec/b/205915/read>
- 13 *Борисов С.* Операция «Валькирия» и другие // <http://komsomol.ucoz.kz/publ/11-1-0-350>; *Шумейко И. Н.* Вторая мировая. Перезагрузка. М.: Вече, 2007. С. 53.
- 14 Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 240, оп. 2779, д. 44, л. 318.
- 15 Правда. 1941. 25 июня.
- 16 История дипломатии. В 3-х томах. М.-Л., 1945. Т. 3. С. 664–665, 667.
- 17 СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. Документы и материалы. М., 1971. С. 508–515.
- 18 Год кризиса, 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. М., 1990. С. 131, 132.
- 19 *Terkel S.* *The Good War: An Oral History of World War Two*. N.Y., 1985. P. 575. Цит. по: *Александр Ч. С.* Хорошая ли это была война для Америки? // *Союзники в войне 1941–1945*. М., 1995. С. 324.
- 20 *Шойфлер Х., Тике В.* *Марш на Берлин. 1944–1945*. М., 2005. С. 564.
- 21 *Волков Ф. Д.* *За кулисами Второй мировой войны*. М., 1985. С. 126.
- 22 Военная энциклопедия. В 8-ми томах. М., 1999. Т. 4. С. 420.
- 23 *Идея мира для Европы 1944/1945* // Цит. по: *Парвулеско Ж.* Путин и евразийская империя. СПб., 2006. С. 111, 112.
- 24 *Павленко В. Б.* Мифы «устойчивого развития». Глобальное потепление или ползучий переворот? // *Обозреватель-Observer*. 2010. № 9. С. 29.
- 25 *Штоль В. В.* *Армия «Нового мирового порядка»*. М., 2010. С. 301, 305, 306.